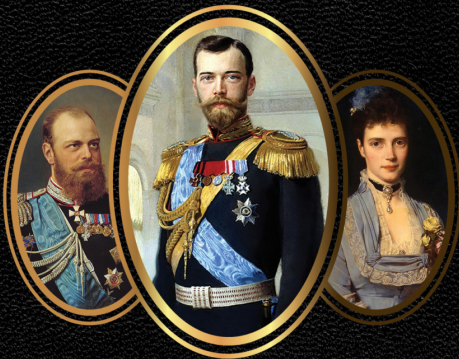

Эдвард
РАДЗИНСКИЙ

НИКОЛАЙ II

*иллюстрированное
издание*

Эдвард Станиславович Радзинский Николай II.

Иллюстрированное издание Серия «Иллюстрированная история с Эдвардом Радзинским»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73266023

Николай II. Иллюстрированное издание: АСТ; Москва; 2026

ISBN 978-5-17-177132-4

Аннотация

И опять мерещится все та же ночь – финал истории трехсотлетней империи в грязном подвале. И опять падает навзничь царь, и две девочки стоят на коленях у стены, закрывшись руками от пуль, и комендант Юровский вбегает в пороховой дым дострелить ползающего по полу мальчика... Только теперь в этом дыму я вижу еще и бородатого мужика, который столько сделал для того, чтобы случился этот подвал! И который знал, что он случится!

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Действующие лица	5
Последний дом	7
Декорация финала	17
Последняя игра	22
«Дышал воздухом в открытую форточку»	30
Караулы	38
«И в ту весну Христос не воскресал»	42
Исход из Тобольска	65
Банальная история	68
Екатеринбург	71
Конец царской свиты	74
Они	83
Первая попытка убийства	92
Последняя «поездка» Миши	100
«Побег»	119
«Ждите свистка к полуночи – это и будет сигналом»	127
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Эдвард Радзинский Николай II.

Иллюстрированное издание

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии.

© Эдвард Радзинский, 2026

© ООО Издательство АСТ, 2026

Действующие лица

Николай Александрович (Ники) – бывший император
всёя Руси

Александра Федоровна (Аликс) – бывшая императри-
ца всёя Руси

Их дети:

Алексей, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия

Евгений Боткин – личный врач Николая Александровича

Анна Демидова – *горничная*, Иван Харитонов – *повар*,

Алоизий Трупп – *камер-лакей*

Палачи:

Федор Лукоянов, Алексей Кабанов, Павел Медведев,
Яков Юровский, Петр Ермаков, Сергей Люханов, Миха-
ил Медведев-Кудрин, Алексей Кабанов, Григорий Никулин
(Акулов), Александр Белобородов, Александр Стрекотин,
Шая Голощекин (Фрам)

Царская Семья. 1913

Последний дом

Над городом на самом высоком холме возвышалась (возносилась) Вознесенская церковь. Рядом с церковью несколько домов образовали Вознесенскую площадь.

Один из них стоял прямо против церкви: приземистый, белый, с толстыми стенами и каменной резьбой по всему фасаду. Лицом – приземистым фасадом – дом был обращен к проспекту и храму, а толстым боком спускался по косоугору вдоль глухого Вознесенского переулочка. И здесь окна первого, полуподвального этажа с трудом выглядывали из-под земли.

Зимний дворец со стороны набережной. 1900-е

Ипатьевский дом. 1918

Одно из этих полуподвальных окон было между двумя деревьями. Это и было окно той самой комнаты...

Но, подъезжая к дому, они ничего этого не увидели. Дом был почти до крыши закрыт очень высоким забором. Чуть-чуть выглядывала лишь верхняя часть окон второго этажа.

Вокруг дома стояла охрана.

Прежнему хозяину дома, инженеру Ипатьеву, не повезло. Один из влиятельнейших членов Совета, Петр Войков, был сыном горного инженера, хорошо знал Ипатьева и не раз бывал в этом доме с толстыми стенами, очень удобно расположенном (удобно, чтобы охранять).

Вот почему в самом конце апреля несчастного инженера

пригласили в Совдеп и приказали в 24 часа освободить особняк. Впрочем, особняк обещали «вскоре вернуть» (инженер Ипатьев тогда не понял, как страшно звучала эта фраза). Всю мебель велели оставить на своих местах, а вещи снести в кладовую.

Цементная кладовая находилась на первом этаже, как раз рядом с той полуподвальной комнатой – комнатой убийства.

Оба мотора проехали вдоль забора к тесовым воротам.

Они раскрылись – и моторы впустили внутрь. Более никогда ни Николай, ни Аликс, ни их дочь не выйдут за эти ворота.

По мощеному двору их провели в дом. В прихожей – деревянная резная лестница поднималась на второй этаж.

Стоя у лестницы, Белобородов объявил: «По постановлению ВЦИК бывший царь Николай Романов и его семья переходят в ведение Уралсовета и будут впредь находиться в Екатеринбурге на положении арестованных. Вплоть до суда. Комендантом дома назначается товарищ Авдеев, все просьбы и жалобы через коменданта – в Уралисполком».

Владимир Пчелин. Передача семьи Романовых Уралсовету. 1927

После чего оба уральских вождя – Голощекин и Белобородов – отбыли на моторах, а Семье было предложено в сопровождении коменданта и Дидковского осмотреть их новое жильё.

Из дневника Николая: «Мало-помалу подъехали наши, и также вещи, но Валу не впустили...»

Да, вещи приехали. С ними Боткин и «люди». Но не приехал Долгоруков. Бедного Валу увезли прямо с вокзала. Ку-

да-то...

Впоследствии распространился слух, что у князя Долгорукова нашли целых два (!) пистолета и много тысяч денег. Об этом сообщили в Тобольске вернувшиеся стрелки «старой охраны». Зачем Долгорукову были пистолеты? Но так или иначе, Николай больше не увидит Валу – князь исчез навсегда.

Впрочем, его след можно найти в показаниях князя Георгия Львова, данных в Париже следователю Соколову.

Опять насмешка истории: князь Львов – премьер Временного правительства, свергнувшего и арестовавшего последнего царя... сам был арестован большевиками после Октябрьского переворота! Более того, в 1918 году князь Львов сидел в тюрьме в том же городе Екатеринбурге и весьма недалеко от дома, который был тюрьмой для арестованного им год назад царя. И бывший премьер описывает встречу с сидевшим в той же тюрьме своим петербургским знакомцем, князем Долгоруковым. В тюрьме верный Валя все сокрушался о царских деньгах, отнятых у него «комиссарами». Впрочем, сокрушался он недолго, ибо вскоре был «отправлен в Москву». А на самом деле...

Из рассказа М. Медведева, сына чекиста – участника расстрела Царской Семьи: «Долгорукова расстрелял молодой чекист Григорий Никулин. Никулин сам говорил. Я уж не помню все подробности, помню, что он вывез Долгорукова с чемоданами в поле... и всё проклял, когда после тащил эти

чемоданы».

Так погиб этот очарователь, галантный кавалер на блестящих балах в Зимнем дворце...

Роскошный интерьер кабинета Николая II в Зимнем дворце. 1900-е

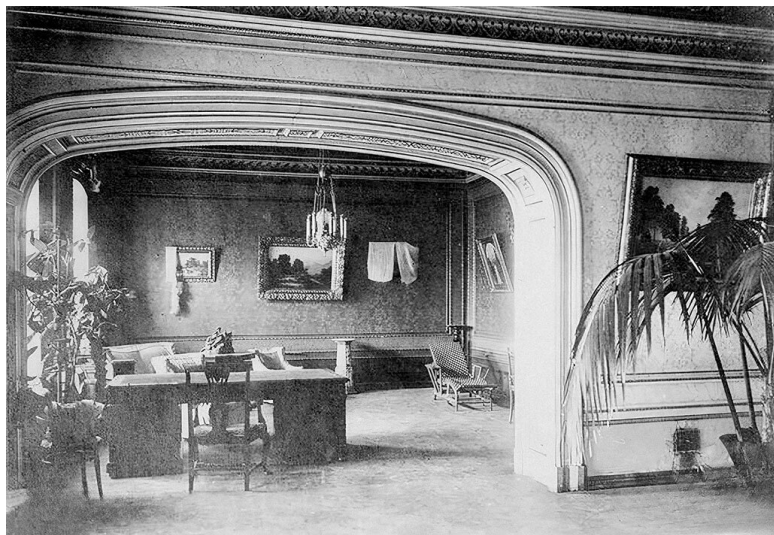

Спальня императора Николая II в Зимнем дворце. 1917

Из дневника Николая: «Дом хороший, чистый. Нам были отведены четыре комнаты: спальня угловая, уборная, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города, и, наконец, просторная зала с арками вместо дверей.

Разместились следующим образом: Аликс, Мария и я втроем в спальне. Уборная общая. В столовой Демидова, в

зале Боткин, Чемодуров и Седнев. Чтобы идти в ванную и ватерклозет, нужно проходить мимо часового. Вокруг дома построен очень высокий дощатый забор в двух саженях от окон: там стояла цепь часовых и в садике тоже».

Комната в Ипатьевском доме, которую занимал царь с супругой и дочерью Марией. 1918

Здесь развернется последнее действие драмы. Финал династии.

Декорация финала

Царь с царицей будут жить в угловой просторной комнате с четырьмя окнами. Два окна выходят на Вознесенский проспект. Только крест над колокольней виден из окон. Два других окна выходят в глухой Вознесенский переулок. Комната очень светлая, с палевыми обоями, с волнообразным фризом из блеклых цветов.

На полу ковер, стол с зеленым сукном, бронзовая лампа с самодельным абажуром, ломберный столик, между окон этажерка, куда она поставит свои книги. Две кровати (на одной из них будет спать Алексей, когда его привезут из Тобольска) и кушетка.

Ее туалетный столик с зеркалом и двумя электрическими лампами по бокам. На столе – баночка с кольдекремом и надписью «Придворная Его Величества аптека». Странно сейчас звучала эта надпись.

Умывальник с треснутой мраморной доской, платяной шкаф, где теперь помещалась вся одежда царя и царицы...

В Вознесенский переулок выходили окна еще одной большой пустой комнаты, там стояли стол, стулья и огромное трюмо. В этой комнате будут жить четыре великих княжны. Они приедут в мае. И, пока не привезут их походные кровати, будут спать на матрасах прямо на полу.

Обе эти комнаты как раз находились прямо над той полу-

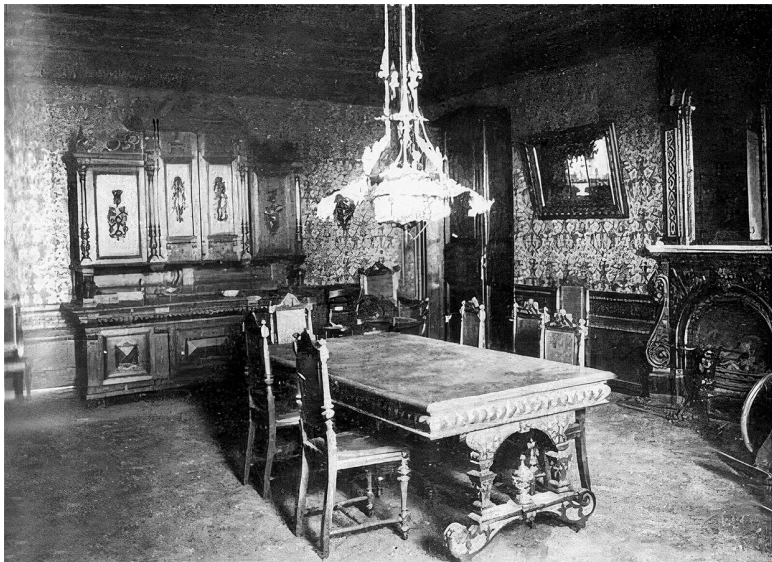
подвальной комнатой.

Рядом с комнатой великих княжон в столовой с видом на сад спала Анна Демидова. В большой зале (гостиной) – Боткин, Чемодуров и Седнев.

Еще одна, пока запечатанная комната предназначалась для Алексея.

Наискосок от великих княжон – комната коменданта, с финиковыми обоями в золотой багетной раме и головой убитого оленя. И еще одна – рядом с комендантской – отведена под караул.

Завершала декорацию уборная («ватерклозет» – как именовал ее царь). Фаянсовое судно, оставшееся от инженера Ипатьева, будет загажено комендантом и караульными. И среди бесстыдных рисунков на стенах уборной, изображавших царицу и Распутина, среди матерных изречений охраны и размышлений типа: «Писал и сам не знаю зачем, а вы, незнакомые, читайте» – надпись на бумаге, приколотая к стене: «Убедительно просят оставлять стул таким же чистым, как его занимали». Это совместное творчество бывшего царя и его лейб-медика Боткина.

Столовая; видимая на снимке дверь ведет в комнату великих княжон. 1918

*Великие княжны с матерью Александрой Федоровной.
1913*

Войдя в комнату, Аликс подошла к правому окну, на косяке начертила карандашом свой любимый знак – «свастику» и число прибытия: 17(30).

Другую «свастику», как заклинание, она начертила прямо на обоях над кроватью, где должен был спать Бэби.

17(30) апреля – так, сама того не зная, она обозначила начало последней Игры с последним царем.

Игра началась сразу.

Великие княжны. Последний совместный снимок. 1918

Последняя игра (Уральский дневник арестанта)

Прибывшие вещи вынесли в коридор и в присутствии бывшего воспитанника Кадетского корпуса, а ныне члена Уралисполкома Дидковского и бывшего слесаря, а ныне коменданта Авдеева начался осмотр.

Открывали чемоданы, тщательно просматривали. Осмотрели ручной саквояж Аликс. Забрали фотоаппарат (это запомним!), который она привезла еще из Царского, и еще забрали, как напишет комендант Авдеев в своих «Воспоминаниях», – «подробный план города Екатеринбурга». Как он мог очутиться в ее саквояже, если они предполагали, что едут в Москву? Впрочем, даже если и не мог – то должен был там очутиться. Как два пистолета, которые «нашлись» у князя Долгорукова.

Открыли даже флаконы с лекарствами – перерыли всю ее походную аптечку.

Из дневника: «17(30) апреля. Осмотр вещей был подобен таможенному: такой строгий, вплоть до последнего пузырька аптечки Аликс. Это меня взорвало и я резко высказал свое мнение комиссару...»

Аликс не понимает причины этого обыска. Она нервничает, возмущается: «Истефательство!» Ее акцент вызыва-

ет улыбки обыскивающих: смешон бессильный гнев бывшей императрицы. А она продолжает гневный монолог, она вспоминает даже «хосподина Керенского». Она приводит в пример этого революционера, который, тем не менее, был джентльмен. Слово «джентльмен» очень веселит бывшего слесаря Авдеева. . . И, наконец, не выдержал Николай. Он заявил: «До сих пор мы имели дело с порядочными людьми!» Это было высшее проявление гнева воспитаннейшего из монархов.

Император Николай II и Александра Федоровна. 1894

Николай II и Аликс. 1910

Зачем проводили этот обыск?

Чтобы продемонстрировать им условия новой жизни в столице Красного Урала? Но лишь отчасти.

Искали драгоценности. Те легендарные царские драгоценности... «Шпион» не дремал, ему, видно, стало известно в Тобольске, что Аликс употребляла слово «лекарство», когда говорила в присутствии чужих о драгоценностях (так она будет называть их и в письмах к дочерям из Екатеринбурга).

Вот почему они так тщетно и тщательно осматривали флаконы с лекарствами. Но ничего не нашли...

Теперь стало ясно: драгоценности остались в Тобольске. Но была третья причина жестокого досмотра. И тоже – из главных. Со дня прибытия Семьи в Екатеринбург начинают собирать улики «монархического заговора». Потому и забрали фотоаппарат – улика. Потому будто бы обнаружилась у нее карта Екатеринбурга – еще улика. Плюс слух о двух пистолетах, отобранных у несчастного Вали, – уже цепь улик.

С екатеринбургского вокзала началась последняя Игра с царем: мы назовем ее – «Игра в монархический заговор».

Заговор – на основании которого они должны быть расстреляны!

«Справедливая кара» была решена с самого начала...

Из дневника: «21 апреля... Все утро писал письма дочерям от Аликс и Марии. И рисовал план этого дома».

Он хочет, чтобы в Тобольске представляли будущее жилище. Он подготавливает их к встрече с этим тесным домом. Но: «24 апреля... Авдеев – комендант вынул план дома, сделанный мною для детей третьего дня на письме, и взял его себе, сказав, что этого нельзя посылать».

В своих «Воспоминаниях» Авдеев совсем иначе опишет этот случай: «Однажды при просмотре писем мною было обращено внимание на одно письмо, адресованное Николаю Николаевичу (! – Э.Р.). При просмотре в подкладке конверта был обнаружен листок тонкой бумаги, на которой был нанесен план дома». И далее Авдеев описывает, как он вызывает в комендантскую Николая и как тот лжет, запирается, просит прощения у коменданта... Это не просто вымысел. План дома, якобы запрятанный под подкладку конверта, – еще одно «неопровержимое доказательство». Как и «испуганный и разоблаченный Николай»... Шьют дело! И ждут.

Ольга, Алексей, Анастасия и Татьяна Романовы в Тобольске. Май, 1917

Пока приедут дети из Тобольска. И с ними приедут драгоценности.

«Дышал воздухом в открытую форточку»

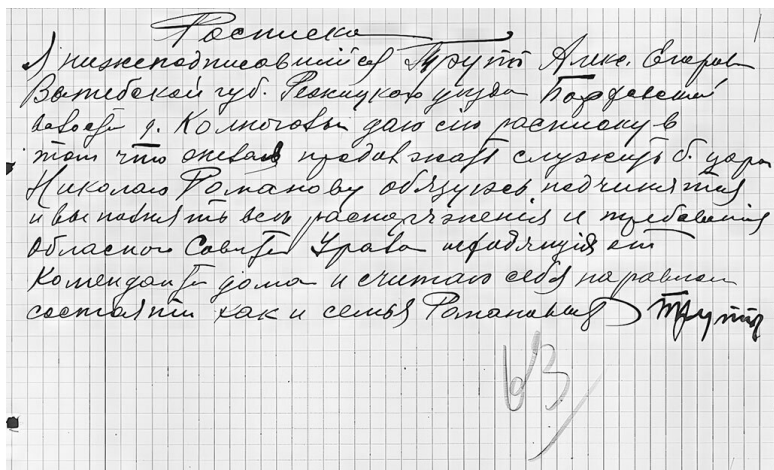
«17 апреля... Караул помещался в двух комнатах около столовой, чтобы идти в ванную и в ватерклозет, нужно было проходить мимо часового и караульного у дверей».

Но уже 20 апреля караул переведен в нижнее помещение, где была «та самая комната». И они, еще столь недавно владевшие великолепнейшими дворцами, счастливы этому новому удобству и открывшемуся простору. О радость – перестало страдать их «чувство стыдливости». «Не придется проходить перед стрелками в ватерклозет и в ванную, больше не будет вонять махоркой в столовой».

В первый день их пребывания в Ипатьевском доме по постановлению Уралсовета было «отменено фальшивое титулование». Авдеев внимательно следил, чтобы прислуга не обращалась к Николаю «Ваше Величество». Теперь его следовало называть Николай Александрович Романов.

«18 апреля. По случаю первого мая слышали музыку какого-то шествия. В садик сегодня выйти не позволили. Хотелось вымыться в отличной ванне, но водопровод не действовал. Это скучно, так как чувство чистоплотности у меня страдало. Погода стояла чудная, солнце светило ярко, дышал воздухом в открытую форточку».

Еще недавно, год назад, в Царском Селе бывший арестованный император написал в этот день яростные слова: «18 апреля 1917 года. За границей сегодня 1 мая, поэтому наши болваны решили отпраздновать этот день шествиями по улицам с хорами, музыкой и красными флагами...»

Расписка
Я нижеподписавшийся Труппа Аким. Смерт-
Ватюбенкай чуб. Рокнуков чуба Падделем
вавафи р. Ко многому даю сии расписку в
том что оневану чубава знайт слушавши б. царя
Николаю Романову облузав подчинити
и быт подчинити все расногласенны и тудаванни
обласно Савири Урала ирадлицид сии
Команданту дома и считаю себя наравне
сестваднии как и семья Романовы Труппа

ВЗ

Расписка Труппа о готовности подчиняться коменданту и быть заключенными наравне с царской семьей. Подобные расписки давали все слуги

Быки («тельцы») не любят красный цвет.

Теперь он уже научился не раздражаться, понял: «дышать воздухом в открытую форточку» – уже счастье.

И «вымыться в отличной ванне» может быть несбыточной

мечтой.

Но постепенно наладилось. Начали выпускать на прогулку. На целых два часа. Он все еще верил, что Долгоруков вернется, и все беспокоился о своем верном друге:

«20 апреля. По неясным намекам нас окружающих можно понять, что бедный Валя не на свободе, и что над ним будет произведено следствие, после которого он будет освобожден! И никакой возможности войти с ним в какое-либо сношение, как Боткин ни старался».

Их быт в это время описал некто Воробьев, редактор «Уральского рабочего», описал, естественно, сохраняя классовый взгляд революционера:

«Кроме коменданта, первое время в Ипатьевском особняке несли дежурство по очереди члены областного исполкома. В числе других довелось нести такое дежурство и мне... Арестованные только что встали и встретили нас, как говорится, неумытыми. Николай посмотрел на меня тупым взглядом, молча кивнул... Мария Николаевна, напротив, с любопытством взглянула на меня, хотела что-то спросить, но, видимо, смутившись своего утреннего туалета, смешалась и отвернулась к окну.

Александра Федоровна, злобная, вечно страдавшая мигренью и несварением желудка, не удостоила меня взглядом. Она полулежала на кушетке с завязанной компрессом головой.

Целый день я провел в комендантской, на мне лежала проверка караула. Во время прогулки (арестованным разрешали первое время гулять два раза в день) Николай мерил солдатскими шагами дорожку.

Александра Федоровна гулять отказалась...»

В конце дежурства бывший царь попросил Воробьева подписать его на газету «Уральский рабочий». «Он уже вторую неделю не получал газет – и очень страдал». Воробьев обещал подписать и просил царя прислать деньги.

В «Уральском рабочем» и будет напечатано первое объявление о его расстреле.

«1 мая. Вторник. Были обрадованы получением писем из Тобольска. Я получил от Татьяны. Читали их друг другу все утро... Сегодня нам передали через Боткина, что в день гулять разрешается только час. На вопрос: «Почему?...» – «Чтобы было похоже на тюремный режим...»

2 мая. Применение «тюремного режима» продолжалось и выразилось в том, что утром старый маляр покрасил все наши окна во всех комнатах известью. Стало похоже на туман, который смотрится в окна...

5 мая. Свет в комнатах тусклый. И скука невероятная...»
Так он писал накануне своего пятидесятилетия.

*Александр Маковский. Портрет Александры Федоровны.
1914*

Караулы

Внутри дома – на лестнице с револьверами и бомбами несут охрану «латыши» из ЧК и молодые рабочие, которых Авдеев отобрал на родном Злоказовском заводе. «Латышам» называют австро-венгерских пленных, примкнувших к русской революции, и латышских стрелков. «Латыши» молчаливы, да когда и говорят между собой, рабочие не понимают их речи.

Эта внутренняя охрана живет в доме в комнатах первого этажа. Рядом с той комнатой. Часть охраны живет напротив, в «доме Попова» (по имени прежнего владельца).

Внешнюю охрану – караулы вокруг дома – несут злоказовские рабочие.

При доме – автомобиль. Водителем Авдеев назначил мужа своей сестры – Сергея Люханова. Их старшего сына тоже взял в охрану. Завидная это должность – охранять царя, и деньги платят, и кормят, и сам живой: не то что умирать на гражданской войне...

Сам Авдеев в доме не живет, уходит по вечерам к себе на квартиру. И в доме остается его помощник – тоже злоказовский рабочий, Мошкин.

Мошкин – веселый пьяница. Как только комендант за порог, Мошкин начинает блаженствовать. Из караульной комнаты звучит перенесенный туда рояль, песни под гармошку.

Веселье идет полночи, гуляют стрелки...

А утром вновь в 9 утра появляется Авдеев. Нравится Авдееву его должность. Ни на мгновение не забывает бывший слесарь, кем он теперь распоряжается. Это его звездный час... Когда ему передают просьбы Семьи, отвечает: «А ну их к черту!» – и победоносно смотрит, каково впечатление стрелков. Возвращаясь из комнат Семьи, обстоятельно перечисляет в комендантской, о чем его там просили и в чем он отказал.

Николай II и Вильгельм II. 1905

Комендант Авдеев, охранник Украинцев, некий «лупоглазый» – вот новые имена в царском дневнике. Они сменили – графа Витте, Столыпина, европейских монархов...

«22 апреля. Вечером долго беседовал с Украинцевым и Боткиным». А прежде он беседовал... с кем он только не беседовал!

«Вместо Украинцева сидел мой враг "лупоглазый"» (а прежде у него был враг – император Вильгельм).

И здесь остановимся.

Уже заканчивая читать его предпоследнюю, 50-ю тетрадь дневника, можем подвести итоги: все, что истинно трогало, подлинно волновало его, все его внутренние бури только проскальзывают в отдельных фразах... Нет-нет, он умел прекрасно писать. Достаточно вспомнить его письма к матери или «Манифест об отречении...».

Просто таков стиль его дневника. И нам нужно научиться ощущать нашего героя сквозь кратко-равнодушные дневниковые строки.

Он был скрытен и молчалив... Он записывает разговоры с Авдеевым и Украинцевым про замазанные окна и столь же кратко, мимоходом, упоминает:

«Утром и вечером, как все дни здесь, читал соответствующие (места) Святого Евангелия вслух».

А это и есть главное.

Николай II на балконе Зимнего дворца. Объявление начала войны с Германией. 1914

«И в ту весну Христос не воскресал»

Их насильственный приезд в Екатеринбург совпал с днями Страстной Недели.

Приближалась Пасха 1918 года. Затопило кровью страну... «Россия, кровью умытая...»

В эти великие дни Страстей Господних, когда приближался час Его Распятия, вошли они в Ипатьевский дом. Для мистического героя нашего появление в Ипатьевском доме в такие дни полно смысла. Он должен был почувствовать трепет от грозного предзнаменования.

В это же время, на третий день Пасхи, из Москвы была выслана сестра царицы Элла. Вначале Элли и ее Марфо-Мариинскую обитель новая власть не трогала. И она написала в одном из последних писем: «Очевидно мы еще не достойны мученического венца...» Ее любимая мысль: «Унижение и страдание приближают нас к Богу».

И вот начался ее крестный путь. На Пасху арестованную Элли привезли в Екатеринбург. И она жила в том самом Новотихвинском монастыре, откуда вскоре будут носить еду Царской Семье. Но уже в конце мая Элли сослали дальше – за 140 верст, в маленький городишко Алапаевск. Здесь собрали высланных из Петрограда Романовых: товарища дет-

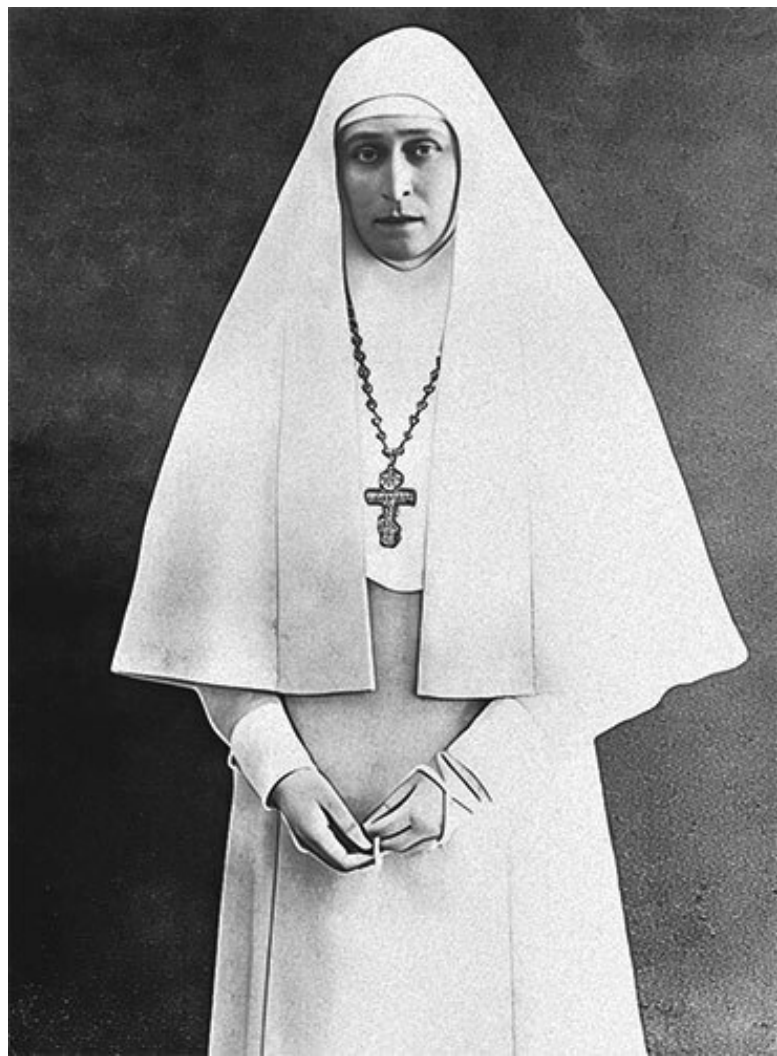
ских игр Ники – Сергея Михайловича, трех сыновей великого князя Константина и к ним присоединили сына великого князя Павла – 17-летнего поэта князя Палей.

На Пасху они получили от Эллы подарки. И, конечно, письмо.

Елизавета Федоровна (Элла), старшая сестра царицы

Александры Федоровны. 1887

Елизавета Федоровна в одежде сестры Марфо-Мариинской обители. 1918

Тема мученического венца – главная тема Эллы. Она не могла в эти дни не написать им об этом. Почитаемый Николаем и его отцом Иоанн Кронштадтский говорил в своих проповедях: «Христианин, претерпевающий бедствия или страдания, не должен сомневаться в благости и мудрости Божьей, и должен угадать, сколь можно, волю Божию, явленную в них... Да принесет каждый человек своего Исаака в жертву Богу...»

«Угадать, сколь можно, волю Божию, явленную в страданиях» – вот о чем он должен был размышлять в эти дни.

И с мыслями этими сомкнулось знаменательное событие, случившееся тогда же.

Из дневника: «6 мая... Дожил до пятидесяти, даже самому странно...»

Не так часто доживали Романовы до 50 лет. Мало жили цари из этой династии. И вот Господь даровал ему этот возраст... Зачем он дарует ему, отвергнутому собственной страной? И в эти же дни – видение только что отошедшей Пасхи, Страстной Недели...

Мученический венец?

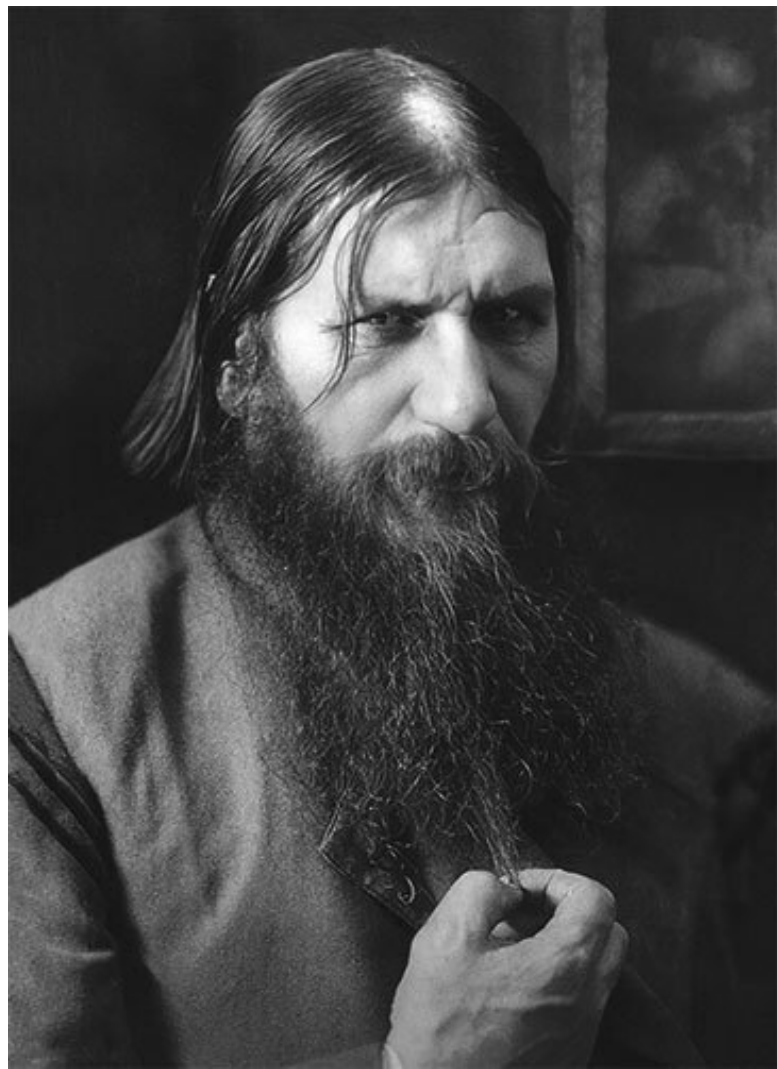
Горит земля, пылают города, и брат идет на брата. И творит зло вверенный ему Богом народ. И он сам был при начале зла. Он помог его рождению?

Искупление?.. Может быть, вся жизнь для этого? «Угадать, сколь можно, волю Божию»!!!

Медленно, одинаково тянутся дни, и медленное, упорное размышление «тельца»... Или агнца?

А что же Аликс?

Она проводит дни в палевой спальне среди замазанных известью четырех окон – в этом белом тумане – на кресле-качалке, с перевязанной головой (мигрень). Гулять царица выходит очень редко. Она грезит, читает святые книги, вышивает или рисует. И ее маленькие акварели разбросаны по дому.

Как презирает она этих людишек, которые смеют сторожить Помазанников Божьих! Но охранники ее уважают и даже боятся. «Царь – он был простой... И на царя-то он не очень был похож. А Александра Федоровна – строгая дама и как есть чистая царица!» (так будут рассказывать потом их охранники.)

Она по-прежнему ждет освобождения. «Старец» защитит их, недаром возникло на их пути его село.

И действительно, легионы избавителей уже приближаются. Она знает, что вся Россия в огне. На севере, на юге, на востоке и на западе – гражданская война.

И в своей переписке с девочками, в полушифрованных письмах в тобольский дом она пишет о «лекарствах, которые крайне необходимо им взять с собой в Екатеринбург». И хотя тобольские друзья умоляют оставить драгоценности в Тобольске в надежных руках и не возить в страшную столицу Красного Урала – она неумолима. Ибо верит – освобождение грядет. И потому драгоценности должны быть с ними.

И вот в Тобольске под руководством Татьяны (вечный «гувернер»!) нянечка Саша Теглева и ее помощница Лиза Эрсберг начинают подготавливать драгоценности к переезду: маскируют их. Драгоценности зашиваются в лифы: два лифа накладываются друг на друга и между ними вшиваются камни.

Бриллианты и жемчуга прячут в пуговицах, зашивают под бархатную подкладку шляп...

Но все драгоценности вывезти не удастся. Часть «романовских сокровищ» оставят в Тобольске у «преданных друзей». И через 15 лет после гибели Семьи они вновь возникнут...

Выписки из документов архива Свердловского ОГПУ (их передал мне загадочный человек, который еще появится в нашей книге под именем «Гость»):

«Материалы по розыску ценностей семьи б[ывшего] царя Николая Романова:

Совершенно секретно... В результате длительного розыска 20.11.1933 в городе Тобольске изъяты ценности царской семьи. Эти ценности во время пребывания царской семьи в Тобольске были переданы камердинером царской семьи Чемодуровым на хранение игуменье Тобольского Ивановского монастыря Дружининой».

Да, того самого монастыря, где они так мечтали жить.

«Дружинина, незадолго до своей смерти, передала их своей помощнице, благочинной Марфе Уженцовой, которая прятала эти ценности в монастыре в колодце, на монастырском кладбище и в ряде других мест».

Но, видимо, после закрытия монастыря, когда выгоняли монахов, стало негде Марфе прятать царские драгоценности. И, чтобы не достались они власти, убившей Царскую Семью, она и решается...

«В 1925–1929 годах М. Уженцова собиралась бросить ценности в реку. Но была отговорена от этого шага бывшим тобольским рыбопромышленником Корниловым, которому и сдала ценности на временное хранение».

Это тот Корнилов, в доме которого жила царская свита.

Но, видимо, то ли посоветовалась с кем-то Марфа о царских драгоценностях, то ли попросту проговорились... Не поняла бывшая благочинная, что наступило новое время и нельзя советоваться с людьми в это время.

«Арестованная 15 октября с. г. Уженцова созналась в хранении царских ценностей и указала место их нахождения. В указанном месте ценностей не оказалось».

Все пыталась она спасти доверенные ей царские бриллианты. Но за нею, видимо, давно уже велась слежка.

«В результате агентурной разработки был арестован Корнилов В.М. Доставленный в Тобольск, Корнилов В.М. показал действительное место хранения ценностей. По указанию Корнилова были изъяты ценности в двух больших стеклянных банках, вставленные в деревянные кадучки. Они были зарыты в подполье дома Корнилова».

Под полом корниловского дома были открыты царские драгоценности. В деле есть и фотография чекистов «с изъятыми драгоценностями». И их описание:

«Всего изъято 154 предмета общей стоимостью 3 270 693 рубля (золотых рубля) 50 копеек. Среди изъятых ценностей имеются:

1. Броши с бриллиантами (100 карат).

2. Три шпильки с бриллиантами в 44 и 36 карат.

3. Полумесяц с бриллиантами в 70 карат. По сведениям, этот полумесяц был подарен бывшему царю турецким султаном.

4. Четыре диадемы царицы и др.».

Эта удачная операция откроет настоящую охоту за царскими бриллиантами.

В течение 1932–1933 годов произведены обыски у всех, кто так или иначе был связан с тобольским заточением Романовых.

Видимо, тогда же производились повальные обыски в Ленинграде, о которых писала родственница Елизаветы Эрсберг:

Основная часть российских коронных драгоценностей и

драгоценностей императрицы, Фото, сделанное советской комиссией в 1922

«Нашли и допросили родственников расстрелянного повара Харитонова... Разыскали воспитательницу графини Гендриковой Викторию Владимировну Николаеву...»

Но все безуспешно.

Наконец, отыскали в маленьком городке Орехово-Зуево вдову расстрелянного полковника Кобылинского. Несчастливая женщина пыталась здесь спрятаться и тихо жила с 14-летним сыном Иннокентием – работала на местном заводе «Карболит». Она и рассказала о шашке Государя и царских драгоценностях, которые приносил в дом показывать ее муж и которые, по слухам, были спрятаны потом где-то в тайге на заимке (правду говорил капитан Аксюта – были зарыты в тайге царицыны драгоценности и царская шашка!).

Через Кобылинскую ГПУ выходит на след сестры и брата Печекос, у которых в 1918 году жили Кобылинские в Тобольске и которые, по словам Кобылинской, знали о кладе. Сначала арестовали Анелю Печекос. И, видимо, усердно допрашивали. И поняла Печекос, что не выдержит.

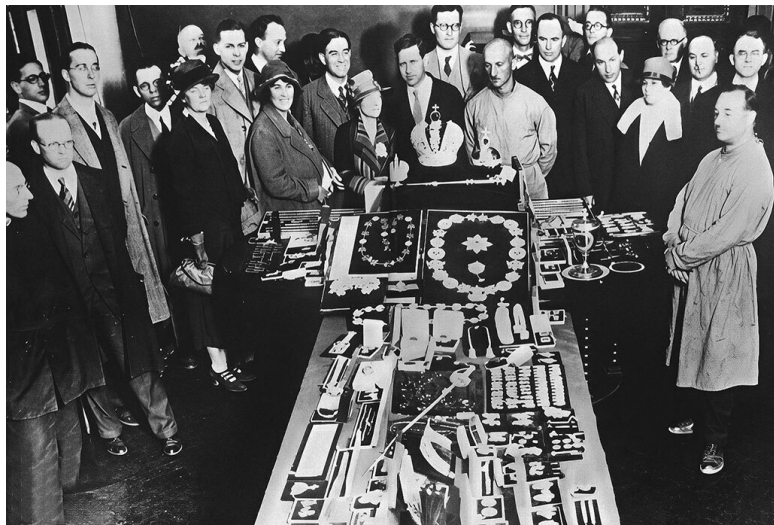
«8 июля 1934 года Печекос Анеля Викентьевна умерла в тюрьме, наглотавшись железных предметов».

Арестованный ее брат выбросился из окна, но остался жив.

Видимо, поняв, что эти люди предпочтут умереть, но тай-

ны не раскроют, ГПУ решает выпустить из тюрьмы Печекоса и устанавливает за ним постоянное наблюдение. Это наблюдение велось в течение десятилетий и было снято только после смерти Печекоса.

А поиски все продолжались... Допросили людей, которые знали покойного камердинера Чемодурова. Выяснили, что старик умер в доме буфетчика Григория Солодухина, «который по слухам забрал большие ценности».

Члены первой неофициальной Комиссии по расследованию гибели царской семьи в России осматривают коронные украшения Романовых, показанные им с разрешения властей. 1926

Но арестовать Солодухина не смогли: еще в 1920 году непредусмотрительные чекисты расстреляли буфетчика.

Но на новый след наконец напали.

Выяснили, что царица поручила отцу Алексею Васильеву (тому самому, который провозгласил в Тобольске «Многие лета» Царской Семье) «вынести и скрыть чемодан с бриллиантами и золотыми вещами не менее пуда».

И опять неудача: отец Алексей Васильев успел благополучно скончаться в 1930 году.

Допросили его детей. Но они ничего не знали. Надежно спрятал где-то царский чемодан отец Алексей...

Так что, может, и сейчас зарыт где-то в подполе старого тобольского дома чемодан коричневой кожи с царским гербом и пудом романовских драгоценностей. И лежат в сибирской тайге царская шашка и романовские бриллианты...

Но вернемся в Тобольск, в 1918 год...

Где же наш «шпион»? Конечно, в Тобольске, ибо там – драгоценности. Которые должны достаться – «трудовому люду Красного Урала, чьим потом и кровью...».

И там же, в Тобольске, наш старый знакомец – вечный слуга Александр Волков.

Уезжая из Тобольска, Николай обнял своего старого учителя военному делу и наказал: «Береги детей». Непросто исполнить верному слуге царский наказ. Теперь оставшейся в Тобольске Семьей распоряжается Совет и его председатель

– бывший кочегар парохода «Александр III», а ныне хозяин города Тобольска Паша Хохряков. Он и готовит исход царских детей, оставшейся свиты и «людей» из Дома Свободы в столицу Красного Урала. Для многих из них – это последний путь.

Внутри дома хозяйничает комиссар Родионов с отрядом красногвардейцев. Впоследствии Саша Теглева говорила белогвардейскому следователю Соколову: «Про Хохрякова не могу сказать ничего плохого, но Родионов – это был злобнейший гад...»

Этого Родионова признала баронесса Буксгевден. Софья Карловна утверждала, что видела его на пограничной с Германией станции Вержболово. Жандарм, как две капли воды похожий на Родионова, проверял у них паспорта.

Кобылинский говорил о Родионове: «В нем чувствовался сразу жандарм... Кроважадный, жестокий жандармский сыщик».

Но оказалось, что оба они отчасти ошиблись.

Из письма Я. Веригина (Тверь):

«Когда-то в молодости, в пятидесятых годах, я жил в Риге на квартире профессора Университета, старого латышского большевика Яна Свикке... У него была удивительная биография. Он был профессиональный революционер, выполнял ответственные партийные поручения, он сумел внедриться даже в царскую тайную полицию... В 1918 году комиссар Ян Свикке под фамилией Родионов был послан в То-

больск, где руководил отрядом, перевозившим царских детей... Он умер в 1976 году в Риге в возрасте девяносто одного года – в полнейшем маразме и одиночестве. Он ходил по городу, нацепив на себя всевозможные значки – они ему казались орденами...»

Но тогда, в 1918 году, жандарм-революционер был молод и усердствовал.

Во время богослужения Родионов-Свикке ставил около престола латышского стрелка. И объяснял: «Следит за священником».

Он обыскивал священника, а заодно и монашек. Ему подозрительно нравилось раздевать их при обыске. И еще он ввел некий странный обычай: великим княжнам не разрешалось запира́ть свои двери на ночь. Даже затворять двери своей спальни царские дочери не имели права:

- Чтоб я каждую минуту мог войти и видеть, что делается.
- Наш знакомец Волков пытается возражать.
- Да как же так... девушки ведь, – жалко бормочет старик.

Великие княжны Мария, Татьяна, Анастасия и Ольга.

Они выросли на его глазах, он все ждал – когда замуж выйдут. Все гадал, за каких королей отдадут их. Не дождался старик... И будут спать теперь великие княжны с открытыми по ночам дверями...

– Если не исполнят приказа, у меня есть полномочия: расстреливать на месте, – веселился жандарм-революционер.

Между тем вскрылись реки и начал выздоравливать Алексей.

«Маленькому лучше. Но еще лежит. Как будет лучше, поедем к нашим. Ты, душка, поймешь как тяжело. Стало светлее. Но зелени еще нет никакой. Иртыш пошел на Страстной. Летняя погода... Господь с тобой, дорогая». (Это одно из последних писем Ольги из Тобольска.)

На Пасху Тобольскому Совету стало известно, что во время Крестного хода архиепископ Гермоген, предав анафеме большевиков, задумал вместе с прихожанами прийти к губернаторскому дому и освободить Алексея.

Была ли это очередная Игра Совета, чтобы получить повод побыстрее переправить Семью в Екатеринбург? Или действительно пастырь задумал выполнить то, о чем писала вдовствующая императрица? И, как триста лет назад тезка Гермогена мечтал прогнать поляков, нынешний архиепископ возымел мечту прогнать из города большевиков?

Цесаревич Алексей Николаевич в форме ефрейтора. 1916

Во всяком случае, ЧК позаботилась: во время Крестного хода чекисты смешались с прихожанами. В те дни до всех сроков наступила в Тобольске жара. Солнце палило нещадно, и прихожане – все немолодые люди – постепенно покидали процессию. И, по мере ухода верующих, – все ближе к архиепископу теснились чекисты.

Наконец окружили его. И арестовали.

«А потом я вывез его на середину реки, и мы привязали к Гермогену чугунные колосники. Я столкнул его в реку. Сам видел, как он шел ко дну...»

Так, по словам чекиста Михаила Медведева, рассказывал ему Павел Хохряков. Рассказывал накануне своей гибели.

Исход из Тобольска

Но вот понесли бесконечные романовские чемоданы на пароход «Русь» – тот самый, который привез их в Тобольск. Теперь он вез их обратно – в Тюмень, к поезду. Поднимается на пароход пестрая толпа – свита, «люди» и охрана. Их расселяют по каютам.

На «Руси» продолжались странные причуды Родионова: Алексея и дядьку Нагорного он закрывает на ночь в своей каюте.

Великим княжнам по-прежнему строго-настрога запрещено запира́ть двери на ночь, у дверей ставит он часовых – веселые стрелки у открытых дверей каюты девушек.

Александра Теглева (из показаний следователю Соколову):

«На пароходе Родионов запретил на ночь запира́ть княжнам каюту, а Алексея с Нагорным запер снаружи замком. Нагорный устроил даже скандал: "Какое нахальство! Больной мальчик! Нельзя даже будет в уборную выйти". Он вообще держал себя смело с Родионовым, и будущую свою судьбу предсказал себе сам».

Весело плыл пароход «Русь». Палили красногвардейцы из ружей в пролетающих птиц. Стреляли из пулеметов...

Падают чайки, трещат пулеметы. Веселись, ребята, – свобода! Так во второй год от рождества революции под бес-

порядочную стрельбу мимо притихших берегов плыл этот безумный пароход, называемый «Русь».

Из письма А. Салтыкова (Киев):

«Прочел Ваш рассказ про Екатеринбург (имеется в виду мой очерк в журнале «Огонек» "Расстрел в Екатеринбурге". – Э.Р.). Читал в два приема – так устало сердце от всех этих ужасов... Хочу Вам сообщить, правда не знаю, так ли все это, но вы проверьте. У нас в доме жил старик, солдат из красногвардейцев, дядя Леша Чувырин, или Чувырев... Он умер в 1962 году, не позднее... Он рассказывал, что в молодости ехал на пароходе из Тобольска вместе с детьми царя. Караулил, когда их перевозили. И он рассказал такую вещь, даже не знаю стоит ли писать. Великие княжны должны были ночевать с открытыми каютами, и ночью стрелки надумали к ним войти. Конец этой истории он каждый раз говорил по-другому: то им воспретил старший, то они спьяну проспали».

А может быть, это опять наш «шпион»?

Я все думаю о нем... И мерещится...

Тобольск. 1912

Банальная история

Четыре прелестные девушки в заточении и он. Совсем молодой. После всей грязи, расправ с мужиками, подвалов ЧК – чистые, очаровательные девушки... Кокетливая Анастасия. Ей, пожалуй, он должен был нравиться. А ему?.. Как и положено железному революционеру – товарищу Маратову – конечно же, Татьяна. Ненавидевшая революцию. Самая красивая, самая гордая. И он старается столкнуться с нею в коридоре. И ее царственный, презрительный взгляд.

Великие княжны Мария, Ольга, Анастасия и Татьяна в ссылке. 1917

«Шпион»... Нет-нет, он исполнил свой долг. Он не позволил себе распусться. Они остались для него «дочерьми тирана». Он победил себя!

Как он плыл из Тобольска на этом безумном пароходе с палящими в птиц красногвардейцами... С истекающим кровью наследником... Со свитой, которую уже ждала в Екатеринбурге ЧК! Горькая, горькая наша революция! И там, на пароходе, «шпион» услышал, как договаривались стрелки из отряда поозоровать с царскими дочерьми... Что ему до «дочерей тирана», когда тысячи солдат, оторванных от дома по милости их родителя, исходили мужской силой и свершали все эти бесчинства... И все-таки, конечно же, он не выдержал и повелел Родионову затворить на ночь каюту.

*Великие княжны с матерью Александрой Федоровной.
1916*

Екатеринбург

В Тюмени их ждал специальный поезд. Девочек, Алексея, его дядьку Нагорного, бывшего генерал-адъютанта Татищева, бывшую гоф-лестрису старуху Шнейдер, фрейлину графиню Гендрикову посадили в вагон второго класса.

Всех остальных – Жильяра, камердинера Гиббса, лакея царя Труппа, камер-фрау Тутельберг, баронессу Буксгевден, нянечку Тег-леву, ее помощницу Эрсберг, повара Харитонову и поваренка Седнева – друга Алексея и других – в вагон четвертого класса. Поезд прибыл в Екатеринбург ночью – 9 мая, в день Николы Вешнего.

Цесаревич Алексей и великая княжна Ольга и на пароходе

Состав тотчас отправили на запасной путь. Моросил дождь, и еле светили фонари.

Из дневника:

«9 мая. Все еще не знаем, где находятся дети и когда они все прибудут? Скучная неизвестность.

10 мая. Утром в течение часа последовательно объявляли, что дети в нескольких часах от города, затем, что они приехали на станцию, и, наконец, что они прибыли к дому, хотя их поезд стоял здесь с двух часов ночи...»

Утром к поезду подали пролетки. Сидевшим в вагоне четвертого класса запретили выходить. Жильяр и Волков видели из окна, как под морозящим дождем великие княжны сами тащили свои чемоданы, проваливаясь ногами в мокрую грязь. Шествие замыкала Татьяна. Она следила, чтоб другие не отставали. Она чувствовала себя истинно старшей, тащила два чемодана и маленькую собачку.

А потом мимо окон вагона быстро пронес наследника к пролетке дядька Нагорный. Он хотел вернуться, чтобы помочь княжнам нести чемоданы. Но его оттолкнули: они должны нести сами! Нагорный не сдержался и что-то ответил. Ошибся бывший матрос, нельзя грубить этой власти. Нервная эта власть. И самолюбивая. И единственной платой признает теперь – жизнь. Ею платят и за неосторожное слово тоже. Возможно, тот, кому он ответил, и был верх-исетский

комиссар Ермаков. Во всяком случае, вскоре заберут в ЧК бедного Нагорного.

И в 30-х годах у пионерского костра бывший комиссар товарищ Петр Ермаков расскажет юным пионерам, как он расстрелял «царского холопа – дядьку бывшего наследника».

10 мая (продолжение дневника Николая): «Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырехнедельной разлуки и неопределенности. Взаимным расспросам и ответам не было конца, много они, бедные, претерпели нравственного страдания в Тобольске и во время трехдневного пути».

Конец царской свиты

Пока Николай встречал детей, из вагонов вывели «людей» и свиту: Татищева, графиню Гендрикову, Волкова, Седнева, Харитонову, фрейлин, нянечек и прочих. Сажают на пролетки.

Волков потом рассказывал:

«Родионов подошел к вагону:

– Выходите. Сейчас поедем...

Я вышел, взяв с собой большую банку варенья. Но они велели оставить банку. Банки этой я так и не получил». (Сколько же он потерял – и все забыл! А вот про банку варенья помнил.)

Тронулись пролетки. На первой – сам глава Красного Урала Александр Белобородов.

Пролетки ехали по Екатеринбург. И вскоре наш знакомец Волков увидел высокую колокольню на холме. Подъехали к дому, обнесенному почти до крыши высоким забором. Здесь высадили повара Харитонову и лакея Седнева. Остальных повезли дальше...

Наконец вереница пролетов подъехала к некоему зданию. И тут товарищ Белобородов сошел с пролетки и скомандовал торжественно:

– Открыть ворота и принять арестантов!

– Правду говорят: от тюрьмы да от сумы не зарекайся, –

шутил в тюремной конторе бывший генерал-адъютант двора Его Величества граф Татищев, а ныне арестант екатеринбургской тюрьмы.

– А я вот в тюрьме родился благодаря царизму, – сумел продолжить тему бывший электромонтер, а ныне глава Уральского правительства.

Скорее всего, это было иносказание, обычная революционная риторика: дескать, тюрьма родила во мне революционера. Ибо Саша Белобородов благополучно родился в отчем доме. Но осторожным надо быть с подобными фразами.

Белобородов родился в отчем доме. А умереть ему придется в советской тюрьме.

Татищев и Волков сидели в одной камере, пока однажды не вызвали графа в контору. Вернулся он счастливый: освободить его надумали и выслать из столицы Урала. И было прощание, и верный царский слуга обнимал верного царского генерала. Надел Татищев свою роскошную шубу – единственное, что осталось от той жизни (ох, не надо носить такие шубы в новое время. В горькую нашу революцию не ходят в таких шубах)... С тех пор никто никогда больше не видел Илью Леонидовича Татищева.

А что же Волков?

Пережил старый слуга своих хозяев: вскоре из одной тюрьмы перевезли его в другую. Когда белые взяли Екатеринбург, он уже сидел в Перми.

Однажды позвали и его из камеры с вещами. Увидел он

давних своих знакомцев по Царскому Селу – молодую графиню Гендрикову и старуху Шнейдер. Сделали группу в 11 человек – все из «бывших» – и повели их прочь из тюрьмы. Объявили, в пересыльную тюрьму ведут, а потом в Москву отправят.

Ох уж это «в Москву». Мы еще не раз пойдем, что оно означало...

Они долго шли, и старуха Шнейдер уже еле передвигала ноги. В руках у нее была корзиночка. Волков взял: в ней были две деревянные ложки и маленькие кусочки хлеба – все имущество учительницы двух императриц.

Прошли город, вышли на тракт. Здесь конвоиры вдруг стали очень вежливы: все предлагали помочь нести чемоданчики. Была ночь, и, видимо, они уже думали о будущем – не хотели в темноте делить добычу. Тут Волков все понял. Он сделал прыжок в темноту и побежал. Вдогонку раздались ленивые выстрелы, а он бежал, бежал... И убежал старый солдат Волков.

А знакомцев его по Царскому – молодую графиню Гендрикову и гоф-лектрису Екатерину Шнейдер – умертвили. Их трупы потом нашли белые. Очаровательной Настеньке разозжили череп. Убили прикладом – пулю пожалели.

Свита, сопровождавшая царскую семью в Тоболь-

10 мая (продолжение дневника Николая): «Из всех прибывших впустили только повара Харитонову и племянника Седнева (мальчика-поваренка. – Э.Р.). До ночи ожидали привоза с вокзала кроватей и нужных вещей. Дочерям пришлось спать на полу. Алексей ночевал на койке Марии. Вечером он, как нарочно, ушиб себе колено, и всю ночь сильно страдал...»

Так в первый же свой день в Ипатьевском доме мальчик слег. Он не встанет до последнего дня.

Между тем Жильяр, камердинер Гиббс, баронесса Буксгевден и Лиза Эрсберг провели ночь в вагоне на запасных путях. (Здесь, в теплушках, собрались тысячи бездомных...) Почему их пощадили? Одних, видимо, спасли немецкие фамилии – все-таки существовал Брестский мир с немцами. Других – Жильяра и Гиббса – иностранное происхождение.

Но почему пожалели Теглеву?

Она была в нежных отношениях со швейцарцем. И, видимо, тот, кто пожалел, знал об этом... Мне все кажется, что и это опять – наш «шпион»... Конечно же, он, знавший французский, должен был сдружиться в Тобольске с разговорчивым швейцарцем. И вот решил не разбивать пару... Но полно домыслов.

В теплушке, среди тысяч мешочников, в человеческом месиве живут «остатки двора».

Преданный русскому царю, швейцарец Жильяр все пытается получить разрешение вернуться к Семье. Но ему повторяют: «В ваших услугах более не нуждаются». Жильяр идет за помощью к английскому консулу. Но консул объясняет, что во имя блага самих же арестованных лучше... ничего не предпринимать. Это излюбленное объяснение иностранцев, когда они боятся вмешиваться в русские дела.

Однажды ночью к их теплушке прицепляют паровоз и вагон с «остатками двора» оттаскивают из Екатеринбурга в Тюмень. Так пошутила с ними Екатеринбургская ЧК.

Алексей с матерью – Александрой Федоровной. 1913

Из дневника: «12 мая... Дети разбирали некоторые свои вещи после невообразимо продолжительного осмотра в комендантской...»

Итак, приехала Семья. Приехали «лекарства». Драгоценности лежали в шкатулках. И еще они были на руках, в ушах,

на шеях романовских женщин. Драгоценности, «созданные трудом, потом, кровью...». Теперь их оставалось только отнять. Вернуть в руки народа. С этого момента события стали убыстряться.

«13 мая. Спали отлично, кроме Алексея, боли у него продолжались... Как все последние дни, В. Деревенко приходил осматривать Алексея. Сегодня его сопровождал "черный господин", в котором мы признали врача...»

«Господин», который появился в тот день в комнатах Семьи и в котором «признали врача», был чекист Яков Юровский.

Император Николай II с супругой в Москве. 1910-е

Они

(«Железной рукой загоним человечество к счастью»)

Этот лозунг висел в Соловецком лагере.

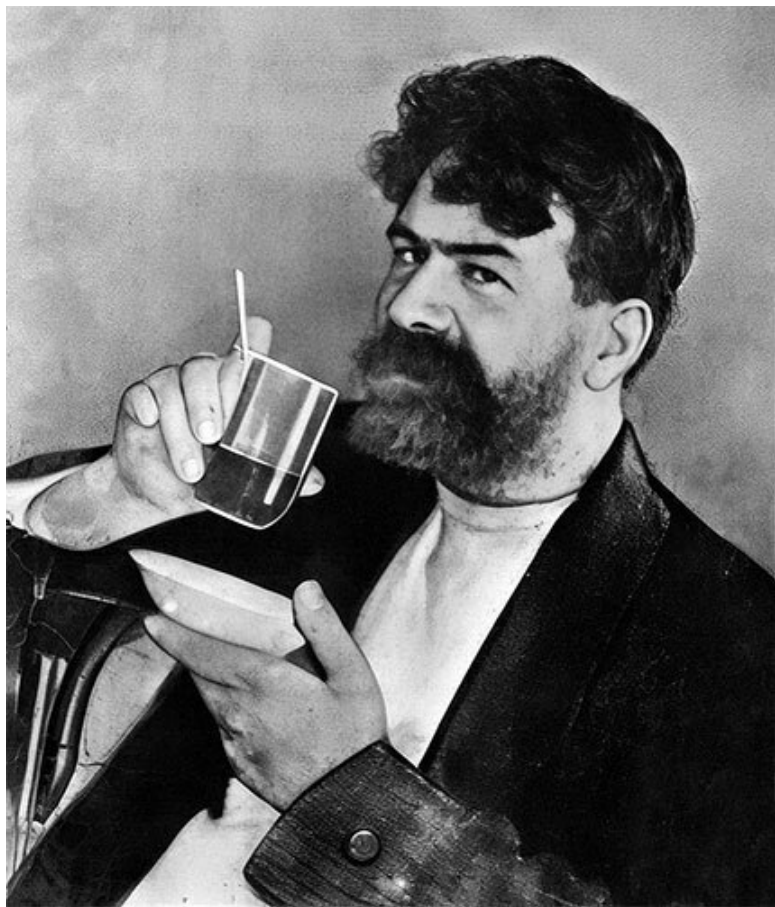
Впоследствии, пытаясь объяснить то нечеловеческое, что произошло в полуподвале Ипатьевского дома, одни станут называть Юровского и товарищей убийцами, садистами. Другие увидят в расстреле Семьи кровавую месть евреям православному царю (месть Голощекина, Юровского; к евреям припишут и Чуцкаева, и Сафарова, и прочих чисто русских). Действительно, так было легче объяснить происшедшее. За зверские погромы, за ежедневное унижение – месть!

Если бы это было так, то (как это ни ужасно писать)... в этом было бы хоть что-то понятное разуму.

Но все было совсем иначе...

«Семья наша страдала меньше от постоянного голода, чем от религиозного фанатизма отца... В праздники и в будни дети обязаны были молиться, и неудивительно, что мой первый активный протест был против религиозных, националистических традиций. Я возненавидел Бога и молитвы, как ненавидел нищету и своих хозяев», – так, умирая в Кремлевской больнице, Юровский напишет в своем последнем письме перед смертью. Да, он возненавидел религию своих отцов

и Бога.

Яков Юровский. 1918

Юровский и Голощекин с юности отринули свое еврейство. И служили они совсем другому народу. Народ этот тоже жил по всему миру. И именовался – всемирный пролетариат. Народ Юровского, Никулина, Голощекина, Белоборова, латыша Берзина... «Чтобы в мире без России, без Латвии жить единым человеческим общежитием» – так гордо писал поэт Владимир Маяковский.

И партия, в которой они состояли, обещала утвердить на всей земле господство этого народа. И тогда должно было наступить долгожданное счастье человечества.

Царские дети. 1910

Но произойти это могло только через жестокую борьбу. Вот почему повивальной бабкой истории именовали они кровь и насилие.

Когда-то революционеры Нечаев и Ткачев рассуждали, сколько людей из старого общества придется уничтожить, чтобы создать счастливое будущее. И пришли к выводу: нужно подумать о том, сколько следует «оставить».

«Метод выбраковки... из материала капиталистической эпохи» (Бухарин).

И они взялись за эту работу – выбраковывали. Из человеческого материала...

«Надо навсегда покончить с поповско-квакерской болтовней о священной ценности человеческой жизни» (Троцкий).

И они покончили. Непреклонная классовая ненависть владела их душами.

«Все время за окном
проходит часовой.
Не просто человек,
другого стерегущий,
Нет – кровный враг, латыш
угрюмый и тупой,
Холодной злобой к узнику
дышащий.
За что? За что?
Мысль рвется из души...»

– спрашивал в заточении сын великого князя Павла, 17-летний поэт Палей.

«Не ищите на следствии материала или доказательств того, что обвиняемый действовал словом и делом против Советской власти. Первый вопрос: *к какому классу он принадлежит* (курсив мой. – Э.Р.). Этот вопрос и должен определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора», – писал член коллегии ВЧК М. Лацис в журнале «Красный террор».

Убийство Романовых – символа свергнутых классов – должно было стать негласным объявлением Красного террора. Всемирной войны классов.

«Надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых, чтобы отучить их преемников от преступлений» (Ленин).

Вот почему, ступив на екатеринбургский вокзал, царь и Семья были обречены.

Яков Юровский в 1918-м... Скуластое лицо на короткой шее. Важная, неторопливая речь. В черной кожаной куртке, с черной бородкой, с черными волосами – он действительно был «черный господин». Он, видимо, уже знал от «шпиона», что Николай ведет дневник по старому стилю. Вот почему он пришел в дом 13-го числа «по старому стилю». Он знал, что мистик-царь отмечает приметы. И он явился к ним, «черный человек», в это чертово число, как грозное предзнаменование, как грядущая месть... Он вошел к ним в обличье врача. Ему – фельдшеру хирургического отделения – легко было сыграть эту роль. Даже доктор Деревенко поверил, расскажет потом, как профессионально осматривал «черный господин» ногу наследника. На самом деле это была все та же революционная символика. Револьверами лечили они этот мир, осуществляя великую миссию, которую завещал им во имя будущего Учитель Маркс: «Ускорить агонию отживаю-

щих классов...». Во имя этого светлого будущего и должна была погибнуть Царская Семья.

Романовых начинают готовить к концу.

14 мая. Из дневника Николая: «Часовой под нашим окном выстрелил в наш дом, потому что ему показалось, будто кто-то шевелится у окна после 10 вечера – по-моему, просто баловался с винтовкой, как всегда часовые делают».

Я листаю в архиве большую черную тетрадь. Это – дневник караула:

«5 июня на посту номер 9 часовой Добрынин нечаянно выстрелил, ставя затвор на предохранитель. Пуля прошла в потолок и застряла, не причинив вреда».

«8 июня. От неосторожного обращения постового произошел взрыв бомбы. Жертв и повреждений нет».

Простоудушно и вольно обращалась «братва» с оружием. Так что царь был прав в той своей записи.

Но «баловство» часового тотчас превратилось в историю о царских дочерях, подающих кому-то сигналы из окон, и бдительном стрелке, немедленно стреляющем в окно. Так описал этот случай Авдеев в своих «Воспоминаниях».

Шьют дело...

Увезли из дома храброго Нагорного и лакея Седнева.

Из дневника 14 мая (продолжение): «После чаю Седнева и Нагорного вызвали для допроса в облсовет».

В эти дни, слоняясь у Ипатьевского дома, Жильяр увидел, как красноармейцы усаживали в пролетки арестованных На-

горного и Седнева. Они молча обменялись взглядами, но ничем не выдали присутствия швейцарца. Больше они не вернулись...

«16 мая. Ужинали в 8 часов при дневном свете. Аликс легла пораньше из-за мигрени. О Седневе и Нагорном ни слуху ни духу...»

Трудилась ЧК – уже прочесывали и пропалывали в Ипатьевском доме, сокращая обреченную компанию вокруг Семьи. Чтобы поменьше было хлопот в решающую ночь. Приближалась, приближалась та ночь!

Зимний дворец, 1897

Первая попытка убийства

А они жили обычной жизнью и продолжали свои дневники. Он: «20 мая. В одиннадцать часов у нас была отслужена обедница. Алексей присутствовал, лежа в кровати. Погода стояла великолепная, жаркая... Несносно сидеть так, взаперти, и не быть в состоянии выйти в сад, когда хочется, и провести хороший вечер на воздухе. Тюремный режим!»

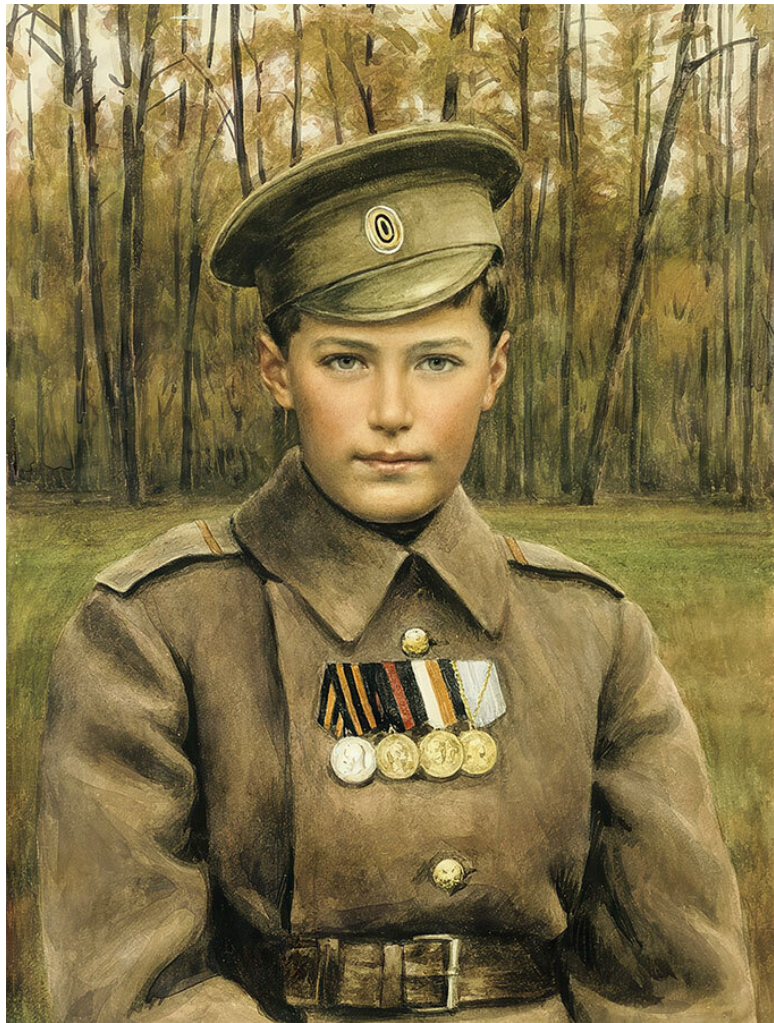
Она: «23 мая (5 июня), среда. Встали в 6.30, но сейчас – 8.30 по часам (в этот день перевели часы на новое время. – Э.Р.). Великолепная погода. Бэби не спал – у него боли в ноге, возможно, потому, что ее трогал во время осмотра Владимир Николаевич (доктор Деревенко. – Э.Р.). Евгений Сергеевич (Боткин. – Э.Р.) возил его перед этим в течение часа в моем кресле-каталке. Я сидела вместе с ним на солнце. Когда он вернулся обратно в кровать, боли усилились, должно быть, от переодевания и катания на прогулке. Ланч принесли только в три часа, и сейчас они продолжают наращивать забор перед нашими окнами. Так что еле видны даже верхушки деревьев за забором...»

Итак, «сейчас они продолжают наращивать забор перед нашими окнами...» Уже к чему-то готовятся, но к чему?

И в это время Николай слег. От постоянного сидения в комнатах. Он любил прогулки не только потому, что любил ходить, – у него был наследственный геморрой, и наступило

обострение.

Он: «24 мая. Весь день страдал болями от геморроидальных шишек, поэтому лег на кровать, потому что удобнее прикладывать компрессы. Аликс с Алексеем пробыли полчаса на воздухе, а мы после них час. Погода стояла чудная».

Неизвестный художник. Цесаревич Алексей. 1915

Она: «25 мая (4 июня), пятница. Прекрасная погода. Н. (Николай) оставался весь день в постели, так как с трудом спал ночью из-за болей. П...а (эти две буквы скрывают русское слово «попа», которое она, скромно сокращая, вставляет в английский текст. – Э.Р.) лучше, когда он лежит тихо... Владимир Николаевич сегодня опять не пришел...»

Доктора Деревенко перестают пускать к Алексею.

Он: «27 мая. Наконец встал и покинул койку, день был летний, гуляли в две очереди. Зелень очень хорошая и сочная, запах приятный...»

И опять Николай чувствует: что-то происходит, что-то случится вот-вот!

«28 мая... Внешние отношения за последнее время изменились... Тюремщики стараются не говорить с нами, как будто им не по себе, и чувствуется как бы тревога и опасения чего-то у них! Непонятно!»

Великие княжны. 1917

Но за пределами Ипатьевского дома все было понятно. В середине мая подняли восстание против большевиков бывшие военнопленные – Чехословацкий корпус. К чехословакам примкнули казачьи части. Пал Челябинск. Теперь чехословаки двигались к столице Красного Урала.

В городе их ждали. Именно 28 мая (10 июня по новому стилю) произошли зловещие беспорядки. Накануне, 9 июня, прапорщик Ардатов со своим отрядом перешел к белым. Теперь главной опорой Уралсовета в городе остался отряд верх-исетских рабочих во главе с комиссаром Петром Ермаковым. И вот огромная толпа, выкрикивающая антибольше-

вистские лозунги, собралась на Успенской площади. Ермаков с отрядом, Юровский с чекистами и комиссар Голощекин с трудом разогнали мятежную толпу. Им так не хватало верных солдат! А между тем сколько красногвардейцев охраняли «тирана» и его семью...

Он: «31 мая. Днем нас почему-то не выпускали в сад. Пришел Авдеев и долго разговаривал с Е.С. (Боткиным. – Э.Р.). По его словам, он и областной Совет опасаются выступления анархистов, и поэтому, может быть, нам предстоит скорый отъезд, вероятно, в Москву. Он просил подготовиться к отбытию. Немедленно начали укладываться, но тихо, чтоб не привлекать внимания чинов караула, по особой просьбе Авдеева. Около одиннадцати вечера он вернулся и сказал, что еще останемся на несколько дней. Поэтому и на первое июня мы остались по-бивачному, ничего не раскладывая. Наконец, после ужина Авдеев, слегка навеселе, объявил Боткину, что анархисты схвачены, и что опасность миновала, и наш отъезд отменен. После всех приготовлений даже скучно стало...»

Царица записала этот день глухо:

«31 мая (13 июня). Утренняя молитва, солнечное утро.

2.45 – не было прогулки. Авдеев велел собираться, так как в любой момент...

Ночью Авдеев – опять. И сказал: не раньше чем через несколько дней».

Странная история. Еще недавно Уралсовет сражался с Москвой, объясняя, как опасно перевозить Романовых по железным дорогам. И вот теперь, испугавшись анархистов, уральцы сами захотели увезти царя с Семей в Москву. Теперь, когда чехословаки подходят к городу. Когда в самом городе так неспокойно и земля горит вокруг Екатеринбурга! И все из-за заботы о «кровавом тиране»?

Что-то не верится в эту внезапную заботливость уральцев. Какая-то очень странная готовилась поездка в Москву.

И тут пришла пора вспомнить разговор, который вел комиссар Яковлев с командиром екатеринбургского отряда Бусяцким по дороге в Тобольск, когда ехал за Царской Семей. Посланец Уралсовета Бусяцкий простодушно предложил Яковлеву: «Во время поездки Романовых, по пути, инсценировать нападение и убить их!»

Убить во время поездки?

Последняя «поездка» Миши

Если бы знал Николай, когда выслушивал предложение заботливых уральцев о поездке в Москву, что произошло минувшей ночью! Какая «поездка» уже случилась! Но до гибели своей он так ничего и не узнает...

В ночь на 13 июня в бывшую гостиницу купца Королева в Перми явились трое неизвестных и предъявили «ордер ЧК на увоз великого князя Михаила и его секретаря Джонсона».

После высылки из Гатчины Михаил жил в Перми и, как неоднократно указывали из Москвы Пермскому Совету, «пользовался всеми правами гражданина республики». Вместе с ним в гостинице проживали его секретарь – англичанин Брайан Джонсон, камердинер и шофер (великий князь был страстный автомобилист – вспомним его удалую поездку по альпийским дорогам вместе со своей невестой). Но в тот день ему предстояла совсем иная поездка... Неизвестные вооруженные люди поднялись наверх к великому князю. Вниз они спустились уже не одни: рядом с ними шли длинный Михаил и толстый, маленький, похожий на мистера Пикквика, его секретарь англичанин Джонсон (так они разгуливали вдвоем по улицам Перми, как Пат и Паташон). После чего «Пат и Паташон» с тремя сопровождающими сели в две пролетки. И уехали.

Все, что произошло в номере, рассказал камердинеру

Волкову сидевший с ним в пермской тюрьме камердинер великого князя Чельшев.

Пришедшие разбудили Михаила, но тот не хотел идти с ними и требовал какого-то важного большевика: «Я его знаю, а вас нет». Тогда главный выругался и схватил князя за плечо:

– Вы, Романовы, надоели нам все!

После чего Михаил молча оделся. Камердинер просил: «Ваше Высочество, не забудьте взять лекарство». Приехавшие опять выругались и лекарство взять не позволили.

Утром ЧК объявила, что никаких мандатов на арест великого князя не выдавала и Михаил похищен. В Москву пошла телеграмма: «Сегодня ночью неизвестными в солдатской форме похищены Михаил Романов и секретарь его Джонсон. Розыски пока не дали результатов. Принимаются самые энергичные меры».

Михаил Александрович и Николай Джонсон. На обратной стороне фотокарточки рукой Михаила Александровича написано «Пермский пленник» и дан обет, что не будет бриться до момента освобождения. 1918

Но вскоре выяснилось, что среди «неизвестных» были люди очень известные – председатель Мотовилихинского Совета Мясников и начальник милиции Иванченко. Они увезли Михаила и его секретаря и расстреляли. Содеянное было объявлено ими актом пролетарской мести.

Пермская ЧК и московские власти назвали это «анархическим самосудом» и решительно от него отмежевались...

Итак, это был самосуд?

Но предоставим слово свидетелю.

В 1965 году, в преклонных летах, в Москве умер заслуженный человек, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Андрей Васильевич Марков.

За год до смерти по просьбе заведующей Пермским партархивом Н. Аликиной, собиравшей биографии пермских большевиков, он встретился с нею, чтобы поведать о самом главном деянии прожитой жизни. Перед рассказом старик показал ей серебряные часы на руке – удивительной формы, напоминавшей срезанную дольку вареного яйца. Марков сказал, что часы эти идут без ремонта почти полсотни лет, а потом уже рассказал всю историю.

Он рассказал, как главный организатор убийства Михаи-

ла – Мясников – пригласил к себе в помощники начальника милиции Иванченко и его, Маркова. Но троих вооруженных показалось мало, и тогда позвали еще двоих – Жужгова и Колпащикова. «Около 7 часов вечера на двух крытых фэтонах, – вспоминал Марков, – направились в Пермь. Лошадей поставили во дворе ЧК и посветили в это дело председателя ГубЧК П. Малкова. Здесь окончательно выработали план похищения Михаила Романова... Малков остался в ЧК, Мясников ушел пешком в "Королевские номера". А мы четверо – Иванченко, Жужгов на первой лошади, и я с Колпащиковым на второй около 11 часов вечера подъехали к парадному "Королевских номеров". Жужгов и Колпащиков отправились в номера, мы же с Иванченко остались на улице в резерве».

Далее все происходило, как рассказывал Волкову камердинер великого князя: Михаил с пришедшими идти отказывался – все требовал, чтобы вызвали по телефону председателя ЧК Малкова («важного большевика»), ссылаясь на декрет о свободном проживании...

Пока Михаил отстаивал свои права, ожидавшим на улице надоело ждать.

«Я, вооруженный наганом и бомбой, вошел в номер, перед этим оборвал провод телефона, что был в коридоре. Михаил Романов продолжал упорствовать, ссылаясь на болезнь, требовал доктора и Малкова. Тогда я потребовал взять его в чем он есть. На него накинули что попало и взяли. После

этого он стал собираться, спросил, нужно ли брать с собой какие-либо вещи. Я сказал, что вещи возьмут другие. Тогда он попросил взять с собою хотя бы личного секретаря Брайана Джонсона. Так как это было в наших планах, мы ему разрешили. Михаил Романов накинул плащ. Жужгов взял его за шиворот и потребовал, чтобы он выходил на улицу. Что он исполнил... Джонсон добровольно шел следом. Михаила Романова посадили в фаэтон. Жужгов сел за кучера, а Иванченко рядом с Михаилом Романовым».

Смело взяли за шиворот великого князя – пятеро вооруженных на двух безоружных (не за плечо, как указывал камердинер, скрывший унижение господина). На смерть – да за шиворот!

«Доехали до керосиновых складов, что в 5 верстах от поселка Мотовилихи. Отъехали еще версту от складов и повернули направо в лес... По дороге никого не встретили (была ночь). Отъехав сажень 100–120, Жужгов кричит: «Вылезай». Я быстро выскочил и потребовал, чтобы мой седок Джонсон тоже вышел. И только он стал выходить из фаэтона, я выстрелил ему в висок, он, качаясь, упал. Колпашиков тоже выстрелил в Джонсона, но у него застрял патрон в браунинге. Жужгов в это время проделал то же самое, но только ранил Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В это время у Жужгова застрял барабан нагана (у него пули были самодельные). Мне пришлось на довольно близ-

ком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, отчего он свалился тотчас же...

Зарыть трупы нам нельзя было, так как светало быстро и было недалеко от дороги. Мы только стащили их вместе в сторону, завалили прутьями и уехали в Мотовилиху. Зарывать ездили на другую ночь Жужгов с одним надежным милиционером».

Высокий, худой Михаил, получив пулю, с растопыренными руками бежит, умоляя проститься, а ему в ответ – еще пулю!..

После убийства Марков и снял часы с убитого Джонсона. «На память», как объяснил он заведующей партархивом Аликиной... Мы еще вспомним эту традицию убийц – снимать часы с убиенных.

(Во втором номере «Огонька» за 1990 год я впервые опубликовал групповую фотографию «участников расстрела брата царя Михаила Романова». В 1920 году решили они запечатлеться для благодарных потомков.)

Но каков «самосуд», в котором участвуют руководители местной ЧК, милиции и глава одного из Советов... Самое интересное записала Аликина в конце беседы. «Андрей Васильевич Марков рассказал в конце, что после расстрела Михаила Романова он ездил в Москву. С помощью Свердлова попал на прием к В.И. Ленину и рассказал об этом событии...» Тщетно мы будем искать в биохронике Ильича эту встречу – такие встречи не для истории.

Но с версией самосуда покончим. Итак: в ночь на 13 июня состоялась «поездка» Михаила, а в следующую ночь должна была быть «следующая поездка» – Николая и Семьи.

Да, это была общая акция: предполагалась «ночь длинных ножей» – уничтожение обоих царственных братьев.

Как протекала «индивидуальная» поездка Михаила, мы теперь знаем.

Можем представить, как протекала бы «групповая» поездка Николая и Семьи.

Через месяц по разработанному в Екатеринбурге сценарию будет осуществлена еще одна такая «поездка» группы Романовых. Сестра царицы Элла, великий князь Сергей Михайлович, сыновья великого князя Константина – Иоанн, Игорь и Константин, молодой князь Палей и их слуги содержались под арестом в здании Напольной школы на окраине Алапаевска. 18 июля местная повариха видела, как все они преспокойно усаживались в возки вместе с красноармейцами: видимо, им тоже сообщили, что они едут в «поездку» – в безопасное место.

Царская семья во время празднования 300-летия дома Романовых

300-летие Дома Романовых. Плакат к юбилею. 1913

У безымянной шахты недалеко от Алапаевска остановились возки. Романовых начали избивать прикладами. Били и старую великую княгиню. Товарищ детских игр Ники и воздыхатель Кшесинской Сергей Михайлович, конечно, сопротивлялся. За что и получил, старый денди, пулю. Одного его сбросили мертвым в шахту, остальных – живыми. И забросали гранатами, завалили шахту хворостом, валежником и по-

дожгли. Местные жители (прекрасная легенда?) долго слышали из-под земли пение молитв. У умиравшей в муках старой Эллы хватило сил не только на молитвы. Во тьме шахты, задыхаясь от дыма, искалеченная великая княгиня подползла к умиравшему Иоанну и перевязала ему пробитую голову. Она до конца исполнила заветы Марфо-Мариинской обители.

Белые, занявшие Алапаевск, нашли их тела в засыпанной шахте. Осмотр трупов раскрыл финал «поездки».

Захваченные белогвардейцами чекисты показали, что провели эту операцию по телеграмме из Екатеринбурга за подписями Белобородова и Сафарова.

Видимо, такая же секретная телеграмма была и об убийстве Михаила.

Как и в случае с Михаилом, ЧК инсценировала в Алапаевске «попытку бегства» убиенных.

Телеграмма от 19 июля 1918 года. Москва. Совнарком. Из Алапаевска:

«Доношу, что в городе Алапаевске узнал о нападении на помещение, где содержались бывшие князья Романовы, и об увозе таковых. При проведенном мною кратком дознании и осмотре места происшествия оказалось, что нападавшие ворвались в помещение и освободили всех Романовых, слуг и увели с собой. На поддержку караула был выслан отряд, но бандиты успели скрыться... При осмотре помещения оказалось, вещи Романовых упакованы и уложены... Полагаю,

что нападение и побег заранее подготовлены. Политический представитель Кобелянко».

Вот что ждало Семью в готовившейся «поездке» в Москву.

Один и тот же сценарий в основе всех убийств Романовых и всюду – провокация.

Да, революционеры выросли рядом с провокациями охранки. И, победив, они переняли знакомые методы. И бессмертное всероссийское учреждение – охранка – тотчас восстало, как Феникс из пепла. Теперь она называлась – ЧК. Она станет сильнее своих создателей. И убьет их. В 1917 году революционеры уничтожили охранку, в 1937-м охранка уничтожит революционеров.

Итак, в разгар приготовлений вдруг пришел Авдеев, и «поездку» Семьи отменили.

Что же произошло?

Императорская семья. 1913

Скорее всего, «поездка» была решением местных уральских «якобинцев». Но когда они задумывали уничтожение Романовых, они были «сами». Москва была для них чем-то далеким. Они гордо называли себя Уральским правитель-

ством – Уральским Совнаркомом.

Естественно, решение принимал его глава – Белобородов. Но был еще один человек, без которого Белобородов не мог действовать: глава уральских большевиков и военный комиссар Урала Голощекин.

Белобородов был горяч, свиреп и молод. Голощекин – намного старше. И осмотрительнее. Он непосредственно связан с фронтом. Когда они задумывали пролетарскую месть – истребление Романовых, обстановка еще не грозила неминуемой катастрофой. Теперь военный комиссар Голощекин уже точно знал: Екатеринбург падет и скоро им придется бежать. Бежать можно только в Москву. И если вчера они относились к столице с насмешливым пренебрежением, сегодня это единственный островок спасения. Нет, без Москвы, без разрешения Ленина и старого друга Свердлова ничего серьезного уже нельзя предпринимать. Уничтожение Царской Семьи – слишком опасно брать на себя такое...

И, видимо, Голощекин в последний момент отменяет решение... Он решил заручиться сначала согласием Москвы. А пока пустить пробный шар: посмотреть, как отреагирует Москва на уничтожение Михаила.

(Кстати, организатор убийства Михаила – Мясников, видимо, это понял. Не захотел быть подопытным кроликом. Вот почему, как только вывели Михаила из гостиницы, Мясников исчезает. И, по показаниям Маркова, его вообще не было при убийстве. Изворотлив был Мясников. В первые по-

слереволюционные годы принимал участие в рабочей оппозиции, сражался с самим Лениным. А когда начался «Большой террор», сумел бежать за границу. Проживал благополучно в Париже, где и забыл о нашей горькой революции. И зря. Как когда-то силой увез он Михаила, так и его похитили из Парижа удалые сталинские чекисты. И привезли забывчивого бедолагу на родину. И как когда-то он Михаила, так и его расстреляли бессудно, как собаку. О чем в 1946 году официально сообщили его жене в помещении Бутырской тюрьмы.)

Или?..

Или все это задумывалось в Москве – как уничтожение обоих претендентов на русский престол? Но теперь, когда казалось, что дни большевистской власти сочтены – испугались... решили ограничиться Михаилом, поглядеть, как отреагирует мир... А Семью пока оставить, как козырную карту в возможных переговорах с державами...

Сестры Мария и Анастасия. 1911

Но так или иначе, готовившееся убийство Семьи отложили. А пока уральские вожди решили пойти по знакомому пути.

И вновь потянулись дни...

«3 июня. Всю неделю читал и сегодня окончил "Исто-

рию императора Павла Первого" Шильдера – очень интересно...»

О чем он думал, когда читал историю несчастного своего предка? О предсказании мамá – тогда, в 1916-м, когда он стал Верховным Главнокомандующим? Или просто читал книгу о жизни, которая исчезла. Будто всегда был этот жалкий дом и эти длинные, скучные, мучительно жаркие дни...

«5 июня. Дорогой Анастасии минуло уже 17 лет. Жара снаружи и внутри была великая... Дочери учатся у Харитоновна (повара. – Э.Р.) готовить и по вечерам месят муку, а по утрам пекут и хлеб. Недурно!»

«Побег»

Окончание последней игры

Это случилось в июне.

Я вижу то утро... Они только что встали. Рано вставать – мучение для нее. Но приходится: утром в комнаты приходит комендант Авдеев – «проверять наличие арестованных».

Николай стоит у окна – он разглядывает крохотный листочек бумаги.

По разрешению коменданта им начали носить еду из Новотихвинского монастыря: щедротами игуменьи носят сливки, яйца и молоко в бутылках. И в одной из этих монастырских бутылок он и нашел это письмо.

Тусклый свет сквозь замазанное известью окно. Еще утро. Еще не жарко. Потом наступит пекло и в комнатах станет невыносимо. Но окна не разрешают открывать. Когда-то он сражался с империями – с Японией, Германией, Австро-Венгрией. Теперь он сражается за разрешение открыть окна в комнате – с комендантом Авдеевым.

«9 июня, суббота... Сегодня во время чая вошло 6 человек – вероятно, из областного совета – посмотреть, какие окна открыть. Разрешение этого вопроса длится около двух недель! Часто приходили разные субъекты и молча при нас оглядывали окна... Аромат от всех садов в городе удиви-

тельный».

Но сейчас он забыл и про окна, и про аромат садов. Он мучительно вчитывается в полученное письмо – в этот ловко засунутый в молочную пробку клочок бумаги.

В призрачном свете утра сквозь замазанное окно постараемся рассмотреть последнего царя.

По-прежнему сильное, мускулистое тело. Но от вынужденной неподвижности он чуть располнел. Невысок ростом (охранников его рост очень разочаровывает. В простодушном их представлении царь должен быть велик, т. е. высок). На фоне отца, гигантов дядей, брата Миши он всегда казался маленьким. (Когда-то принцесса Вюртемберг-Штутгартская, жена Павла I, принесла в романовскую семью красоту и стать своей фамилии, и с той поры начали рождаться эти высокие люди – Александр I, Николай I, Александр III.) Сейчас, когда он один, видно, что он совсем не мал, обычного среднего роста. Его ладная фигура не совсем пропорциональна: мускулистый торс чуть массивен, а сильные ноги коротковаты. И шея чрезмерно мощна для небольшой и аккуратной головы.

Великие княжны на корабле. 1912

Приятное лицо с небольшим носом, рыжеватые усы, желто-табачная бородка. В последнее время лицо его заросло бородой, но спасибо Аликс...

Ее дневник: «7(20) июня... Я подстригла волосы Н.»

Она успела его подстричь перед...

Сейчас, в дневном свете, в его усах, бороде уже видны редкие седые волосы. И подстриженная твердой рукой императрицы голова – уже с ровной проседью.

Его глаза изменчивые – то серо-голубые, то голубые, а иногда зеленовато-стальные... «Очарователь» (шармер), «глаза газели» – так скажет о нем знаменитый адвокат Кони. Загадка его взгляда... Он всегда ощущал себя немного ребенком. От могучего роста отца, дядей и брата? Или от силы женщин, которые были рядом с ним? И вот эта его детскость, в соединении с постоянным предошущением будущего страдания, чувство многострадального Иова – все это в его взгляде. Взгляде беспомощного «теляца для заклания».

Через много лет Матильда Кшесинская в Париже, уже глубокой старухой, встретится с загадочной женщиной, объявившей себя его дочерью – «чудом спасшейся Анастасией». И, отвечая на вопросы журналиста, скажет так:

– У этой женщины его взгляд... тот, кто смотрел в его глаза... Он никогда не мог забыть...

– А вы знали эти глаза?

– Очень хорошо... Очень хорошо, – с пугающей нежностью шептала 90-летняя старуха.

Сейчас его лицо потемнело. Погрубело от солнца. Шея стала красной. И под светлыми глазами – мешки...

Он расхаживает по комнате строевым шагом – неистребимая гвардейская привычка. Обдумывает. Наконец молча протягивает ей письмо. Но она не успевает прочесть.

Входит комендант Авдеев – «проверить наличие арестованных». Николай выходит из-за стола навстречу коменданту. Так он всегда встречал просителей во время аудиенций – стоя впереди стола. Так он встречает нынче бывшего злоказовского слесаря.

Авдеев, как всегда по утрам, мрачен, потому что ночью «перебрал». Запах винного перегара в комнате с закрытыми окнами...

Николай не выносит пьяниц. Была легенда о его собственном пьянстве. На самом деле этот медлительный человек выпивал за обедом рюмку водки, традиционную для мужчин романовской семьи. Иногда по вечерам – стакан французского вина. Бочку с этим вином и разбили тогда в Тобольске.

Ровным, тихим голосом (ни один из его министров никогда не слышал, как он повышает голос) Николай здоровается с комендантом.

Наконец Авдеев уходит.

Великие княжны и цесаревич. 1909

«Ждите свистка к полуночи – это и будет сигналом»

Аликс читает загадочное письмо. Письмо написано по-французски, с подозрительными ошибками. Но она сразу верит письму. Ошибки? Что ж, значит, пишут не аристократы. Где они, эти аристократы? Они предали. Пишут люди из народа, «хорошие русские люди». Лихорадочно проглатывает она этот долгожданный текст: «Мы, группа офицеров русской армии...»

Так появилось это письмо, в котором им предлагали побег. Письмо было подписано: «Готовый умереть за Вас офицер русской армии». Ах, как нравится Аликс эта подпись. Мигрени как не бывало. Она вновь прежняя «Шпицбубе». Да, свершилось. Они не оставили их! Хорошие русские люди! Они готовы освободить своего императора. «Друг» прислал «легион ангелов».

Она умоляет Ники ответить. Николай, как всегда спокойно, соглашается. Да, он напишет ответ. Так устанавливается эта тайная переписка.

«Ваши друзья не спят, – сообщалось в очередной записке, посланной в бутылке из монастыря, – час, столь долгожданный, настал. С Божьей помощью и с Вашим хладнокровием надеемся достичь нашей цели не рискуя ничем».

И новое письмо.

«Необходимо расклеить одно из ваших окон, чтобы Вы могли его открыть. Я прошу точно указать мне окно. В случае если маленький царевич не сможет идти, дело сильно осложнится... Нельзя ли было бы на час или на два усыпить царевича каким-нибудь наркотиком? Пусть решит это доктор. Будьте спокойны, мы не предпримем ничего, не будучи уверены в удаче заранее...»

Николай с супругой. 1917

Это был побег, задуманный в стиле романов Дюма. Вот так когда-то бежала из замка романтическая Мария Стюарт.

Но как открыть окно? И вдруг, будто по велению «Старца», окно открывают. «10 июня. Троицын день... ознаменовался разными событиями: у нас утром открыли одно окно... Воздух в комнате стал чистый, и к вечеру даже прохладный».

Бывший Верховный Главнокомандующий отправляет очередное послание в бутылке из-под молока – послание, напоминающее диспозицию сражения:

«Второе окно от угла, выходящего на площадь, стоит открыто уже два дня и даже по ночам. Окна 7 и 8 около главного входа тоже открыты всегда. Комната занята комендантом и его помощниками, которые составляют в данный момент внутреннюю охрану. Их 13 человек, вооруженных ружьями, револьверами и бомбами... Комендант и его помощник входят к нам когда захотят. Дежурный делает обход дома ночью два раза в час... На балконе стоит один пулемет, а под балконом другой – на случай тревоги. Напротив наших окон на той стороне улицы помещается стража в маленьком доме. Она состоит из 50 человек. От каждого сторожевого поста проведен звонок к коменданту и провода в помещение охраны и другие пункты...»

Эти звонки... они зазвонят в ту ночь, в их последнюю ночь.

«Известите нас, – заканчивает Николай, – сможем ли мы взять с собой наших людей».

И, как всегда, в своем дневнике он аккуратно записывает все, раскрывая тайну этого заговора:

«14 июня. Нашей дорогой Марии минуло 19 лет. Погода стояла та же тропическая. 26 градусов в тени, а в комна-

тах 24. Даже трудно выдержать!.. Провели тревожную ночь и бодрствовали одетыми. Все это произошло оттого, что на днях мы получили два письма, одно за другим, в которых нам сообщили, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми! Но дни проходили, и ничего не случалось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны».

Великие княжны Анастасия, Мария и Татьяна Николаевны. 1917

Теперь в его дневнике уже была его собственноручная запись, перед всем миром свидетельствующая «о монархическом заговоре с целью побега и освобождения семьи».

Аликс осторожней: в ее записи от 14 июня нет об этом ни слова. Но она ждала. Ждала следующую ночь. Вслушивалась в ночную тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.